

Регина Титца

Звёздная пыль

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
П87

Птица, Р.

П87 Звёздная пыль / Р. Птица. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 162 с.

Женское доминирование. Ещё недавно Белый Шпиль не зависел от Империи, а теперь его герцог оказался вассалом императрицы. В Империи свободные нравы. Влиятельные женщины определяют судьбу королевства. В Белом Шпиле в ходу тройственные союзы. Власть наследует женщина или старший из сыновей. Индре - старший, но в момент вступления в брак его власть над Белым Шпилем переходит к жене. Так он попадает в полное подчинение к принцессе Рудене. Заговор супруги переворачивает его жизнь. Ему предстоит стать наложником новой герцогини - или умереть.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11034-3

© Птица Р., 2024
© Флёр А., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА I

Индрэ казалось, что его разрывает на части изнутри. Стальной шарик давил на тело, не позволяя ему раскрыться, так что казалось, что даже вынь его — и на месте вторжения останется зияющая дыра. Цепь, соединявшая вставленный в него крюк с ошейником, была слишком короткой, чтобы Индрэ мог распрямить затёкшую шею, и всё же он чувствовал, как с каждым мгновением голова клонится вперёд, увлекаемая другими цепочками, ведущими к соскам.

Боль не прекращалась уже несколько часов, и как ни старался Индрэ, он не мог выбрать позу, в которой она становилась слабей. Руки, сцепленные за спиной, затекли так, что Индрэ уже сомневался, что они снова будут слушаться его.

— Рудэна... — прошептал он.

— Госпожа.

Спину Индрэ обжёг удар плети, и он издал усталый, полужадохнувшийся вскрик. Ему было уже всё равно — только бы прекратилась боль. Но назвать госпожой южанку, как ни старался, он не мог.

— Я ненавижу тебя... — прошептал Индрэ, и ещё один хлёсткий удар пришёлся по обнажённым ягодицам, смещая крюк и вырывая из горла новый стон.

— В следующий раз придётся вставить тебе в рот кляп, чтобы ты меньше трепал языком.

Губы Индрэ исказила болезненная усмешка.

— Тогда... ты никогда... не услышишь... столь желанных... слов... Ах...

Индрэ задохнулся и проглотил остатки слов, когда, не вынимая расширителя, Рудэна воткнула в него длинный и тонкий предмет.

Её уверенные руки по-хозяйски заскользили по обнажённому животу, пробуждая нежеланное возбуждение.

«Ненавижу тебя, — не переставал твердить Индрэ, но уже про себя. — Ненавижу тебя, Рудэна. И если когда-нибудь ты умрёшь — то знай, в этом будет моя вина».

— Подъём! — кованый сапог врезался ему под ребро, и Индрэ едва успел спрятать пальцы, по которым должен был прийтись следующий удар.

Больше всего он боялся, что они повредят ему руки. Тогда он не сможет ни рисовать, ни писать. Тогда он станет никем — как и хотела Рудэна.

— Где моя... леди?.. — Индрэ договорил с трудом, кашель рванулся из пересохшего горла, а ответом ему стал раскатистый смех обоих вошедших в камеру мужиков.

— Соскучился по своей любимой? Так хочешь, я её заменю?

Индрэ стиснул зубы, когда говоривший подцепил его за подбородок и потянул вверх, заставляя подняться с пола и встать перед ним на колени. Руки были скованы, но не за спиной, как во сне. Они не боялись его. Хорошо.

Индрэ с трудом заставил себя сдержать плевок. Из пухлых губ его экзекутора пахло чесноком, и когда он говорил — в лицо Индрэ летели маленькие капельки слюны.

— Тихо, Жольт, — другой положил руку спутнику на плечо, — король ещё не вынес приговор. Не торопись.

Свободная рука его скользнула Индрэ по плечу, будто изучая его.

«Что здесь изучать?» — билось у Индрэ в голове. Он отлично представлял, как выглядит в этот момент: в изорванных одеждах, дорогой шёлк превратился непонятно во что. Волосы чернели на голове вороньим гнездом. Губы потрескались, а правая половина лица так болела, что, должно быть, представляла собой один огромный синяк.

— Тебе, видимо, даже шлюхи в борделях не дают, раз ты решил поймать такого, как я, — произнёс он раньше, чем понял, что говорит это вслух.

Ярость исказила лицо кирасира.

«Ну всё, — подумал Индрэ. — Сейчас меня будут бить».

Но логического завершения разговора так и не произошло.

Второй кирасир снова стиснул плечо напарника.

— Не сейчас, Жольт, — твёрдо сказал он, — время идёт. Если опоздаем, то поимеют тебя и меня, а не его.

Пальцы Жольта на подбородке Индрэ несколько ослабли. Он поймал цепь, удерживавшую его руки, и дёрнул вверх.

— Ладно, идём, — буркнул Жольт, но когда Индрэ, пошатываясь, поднялся на ноги и направился было к двери, рванул цепь на себя, так что Индрэ едва ли не рухнул в его объятия. Снова губы кирасира оказались у самого его лица, и, проследив ими контур уха, Жольт произнёс: — Когда она прикажет колесовать тебя, как и твою жёнушку, у нас с тобой будет целая ночь, перед тем как палач приведёт в жизнь приговор. И ты захочешь, чтобы ночь не кончалась никогда.

Жольт хрипло расхохотался и, больше не удерживая Индрэ, двинулся вперёд, волоча его на цепи за собой.

Приёмный зал дворца Авроры в самом сердце Вечного города больше походил на солнце, расстилавшее по небосводу свои лучи, чем на те скромные по здешним меркам апартаменты, к которым Индрэ привык.

Он знал, что в Империи Остеррайх не скупятся на лоск. Свиты местных герцогов могли составлять несколько десятков человек, не считая охраны и слуг. И столько же, если не больше, вмещал в себя каждый дворец. Но даже по меркам Империи апартаменты Гатсвернов превышали любой разумный размер. Это был скорее город в городе, чем просто дворец. Город, в который по приказу императрицы съезжалась не только вся семья, каждый со своим двором, но и все владельцы и владельницы провинций от Южного моря до Лазоревых гор. Многочисленные фонтаны били вдоль аллей, и ветер, всегда настолько сильный здесь, что чайки ломали крылья, пытаясь пересечь город от одной границы до другой, относил их в сторону, осыпая придворных мириадами брызг.

Тем смешнее на ухоженных зелёных аллеях смотрелся он, в изодранной нижней рубашке из грубого льна, перепачканной кровью и дерьмом — по обычаю Остеррайха на нём оставили только ее. Тем больше взглядов устремлялось на него.

Едва охрана пропустила сквозь ворота процессию из двух кирасиров и их подопечного, Индрэ попытался воспользоваться возможностью и задрать голову вверх — но Жольт тут же рванул цепь с такой силой, что Индрэ оступился и едва не уткнулся носом в лужу пролившейся из фонтана воды.

Оба стражника захохотали и потянули его вперёд, так что Индрэ оставалось лишь тащиться за ними следом, потупив взгляд, и стараться не замечать, как таращатся на него все кругом.

Он и его провинция жили иначе — но они тоже знали, что такое позор. И Индрэ оставалось лишь стискивать зубы и думать о том, что придёт день, и он отомстит — если, конечно, завтра же утром его не прикажут колесовать.

Повинуясь движению стражей, Индрэ рухнул на покрытый мозаикой зелёных и белых мраморных плит пол. Он замер на коленях, не пытаясь поднять головы, и стал ждать.

Императрица ещё не изволила занять свой трон. Зато любопытствующие уже собрались кругом неё и ожидали продолжения представления, распахнув рты.

— Говорят, Рудэна устраивала вечера в присутствии друзей, и каждый мог потрогать его, — услышал он женский голос немого вдалеке.

Индрэ лишь сверкнул взглядом, не поднимая головы, и в зрачках его отпечаталось отражение немолодой дамы с высоко поднятым коконом волос на голове, который украшала фигура крылатого корабля. Дама осторожно прикрывала веером лицо.

— А вы бы стали его трогать, фрау Рац? Вам мало молоденьких пажей, которые вас развлекают?

— А вы, мсьё Вёрёш, как будто бы нет. Говорят, эти северяне в постели весьма хороши. Чувственны и отзывчивы. Вас, как мужчину, это должно привлекать куда более, чем меня.

— Потому я и удивлён.

— Может, попросим его у императрицы? Уверена, она не решится вам отказать.

Индрэ стиснул зубы и сосредоточился на узоре мраморных плит, в шахматном порядке тянувшемся вдоль всего зала. Он разглядывал их с таким упорством, как будто намеревался совершить подкоп, только бы не слышать новых и новых звучащих за спиной слов.

Но вот вдалеке послышались тихий звук шагов и шелест драгоценной ткани. Всё в зале стихло, так что Индрэ теперь слышал стук собственного сердца.

Украшенный кружевами подол платья прошелестел по полу мимо него, и Индрэ увидел пару шёлковых туфель, занявших мягкую скамеечку под тронном.

— Вот ты каков.

Индрэ поднял взгляд, поняв, что обращаются к нему. Он молчал, не зная, что может сказать.

— Прав ли мой палац, утверждая, что ты помогал Рудэне строить заговор против меня?

Истерзанные губы Индрэ надломила улыбка.

— Разумеется, нет.

Краешек губ императрицы тоже поднялся.

— Я была бы удивлена, если бы ты ответил что-то ещё.

Индрэ едва заметно наклонил голову вбок.

— Моя госпожа, — очень медленно произнёс он, тщательно подбирая слова. Он думал о том, что должен будет сказать, всю ночь, пока не уснул, и тягостный смутный сон, больше походивший на кошмар, не настиг его. — У моего народа не принято лгать и сдаваться в плен. Если я здесь, перед вами, если мои слуги ещё не закололи меня, то лишь потому, что я хочу доказать вам своё расположение и желание присоединиться к вам.

Императрица хмыкнула и чуть отклонилась назад, так что на лицо её упала тень, и Индрэ больше не мог разобрать, что отражается в её глазах.

— Я нужен вам, моя императрица, не заставляйте меня говорить здесь и сейчас зачем. И без того ваше обращение со мной нанесло по лояльности Белого шпиля немалый удар.

Императрица молчала, но Индрэ чувствовал, что слова доходят до неё. Что императрице неуютно, и она в самом деле не желает продолжать этот разговор здесь и сейчас. Однако слова императрицы противоречили тому, что отражало скрытое в тени лицо:

— Я не вижу причин, — тихо сказала она, — не уничтожить весь ваш народ. Всех до одного, кто откажется принести клятву лично мне. И я не вижу причин, почему должна доверять тебе, супругу Рудэны Йованы Винце, не раз доказавшей свою способность держать клятву, обесчестившей себя и свой род.

— Причина в вашей мудрости, — Индрэ немного опустил взгляд, не желая вступать в конфликт, — вы можете уничтожить всех, кто верен мне, и назначить нового наместника управлять моей землёй. Но только я знаю тайны Звёздной пыли, как знала их до меня моя мать — и будут знать моя дочь или мой сын. Ни одна попытка не заставит меня рассказать их вам, потому что я знаю: эти тайны — единственное, что может сохранить мне жизнь.

Императрица какое-то время молчала, и Индрэ уже решил было, что победил.

— Я бы могла, — наконец сказала она, — отдать тебя палачам. Не думай, что ты меня испугал.

— Разумеется, я и надеяться не смел, — вставил Индрэ, уловив момент.

— Но я не такая так безумна, как стала бы, добравшись до власти, твоя супруга, принцесса Рудэна. И я собираюсь это доказать. Я помилую тебя.

Индрэ испустил облегчённый вздох. Он не мог ещё до конца поверить, что угроза минула, и потому на мгновение прикрыл глаза, силясь справиться с собой.

— Но, разумеется, и довериться тебе я не могу. Слишком часто Белый шпиль становится причиной моих забот. Наместник будет назначена. Я подберу среди своих приближённых того,

кто не сможет поддаться обаянию ваших гор и никогда не пойдёт против меня.

Индрэ молчал, обдумывая, что слова императрицы могут значить для него.

— Вынужден предупредить, — сказал он, — что мой народ не подчинится чужаку. Вы не сможете управлять Белым Шпилем без меня.

— И я верю тебе, — Императрица кивнула, — потому моя наместница станет управлять не Белым Шпилем, а тобой.

Индрэ вздрогнул и прищурился, не переставая глядываться в её лицо. Губы его дрогнули, потому что так же говорила Рудэна. «Я здесь, чтобы управлять тобой».

И Индрэ не обманулся:

— Милорд Ламот, будьте любезны проследить, чтобы герцога Вирэнэ сегодня же выпустили из тюрьмы. Обеспечьте ему должный медицинский уход и апартаменты, в которых ни он не будет опасен для нас, ни мы для него. А вы, герцог, будьте готовы завтра же принести супружескую клятву по обрядам Империи. Я подберу вам достойную кандидатку в супруги. Что с вами? Не пытайтесь изобразить обморок, я всё равно вам не поверю.

Индрэ в самом деле стал белым как мел.

«Опять», — набатом билось у него в голове и колоколом ему вторило: «Нет! Лучше умереть, чем снова позволить им...»

Императрица говорила что-то ещё, но Индрэ уже не слышал её. Он попытался встать и рвануться прочь, но цепь, удерживаемая руками Жольта, натянулась, роняя его обратно на пол. Индрэ потерял равновесие, боль пронзила его висок. Он, кажется, слышал собственный голос, истошно кричавший: «Нет!» — а затем провалился в темноту.

ГЛАВА 2

— Ну, что скажешь? — спросила Агнесса фон Лерон, некогда младшая принцесса дома Лерон, а ныне — Императрица Остеррайха, отбрасывая на стол колоду карт и потягиваясь. Ей было слегка за тридцать, и государственные дела в последнее время делали её слишком рассеянной, чтобы следить за игрой. Будь её воля она и вовсе предпочла бы этому занятию охоту, но заранее предчувствовала, что стоит собрать свиту, как отдых превратится в светский приём.

— Скажу, миледи, что вам нужно больше работать над собой. Иначе кому-то менее честному и более увлечённому дворцовой игрой легко удастся вас обмануть.

Кэйтрин де Марджон не видела особого смысла соблюдать формальности, когда они с Агнессой оставались наедине.

Они четверо — Агнесс, Кэйтрин, а вместе с ними принцы Клод Раймон Ламот и Фабрис Анж д'Омур, знали друг друга уже много лет. Ещё тогда, когда никто из них и предположить не мог, что Агнесса наденет Императорский венец, все четверо проводили вместе ночи и дни, вместе охотились и вместе пили вино.

Теперь, когда с тех времён минуло уже более десяти лет, пути всех четверых порядком разошлись. Агнесса стала Императрицей, так что Клод и Фабрис порядком робели перед ней. Агнесса раболепства не любила, и потому ей с каждым годом становилось с ними всё тяжелей.

К тому же у Фабриса появилась семья, у Клода — выезд первосортных коней, и в конюшне он, как правило, торчал весь день, поглаживая и расчёсывая своих жеребцов.

И только в жизни Кэйтрин за прошедшие после войны годы не изменилось почти ничего. Она была всё так же стройна, как и в двадцать лет, спина её оставалась такой же прямой, и толь-